

Накануне моего решения податься в Среднюю Азию в Ленинградской экспедиции ВСЕГЕИ, где я тогда работал, поползли слухи о том, что её рано или поздно переведут в Хабаровск. Это была реакция на одно из выступлений Н. С. Хрущёва, где он заявлял, что научные организации надо приблизить к местам их практической деятельности. Экспедиционный народ запаниковал. Многие стали подыскивать себе новое место. Ещё сильнее запаниковали, когда в экспедицию приехал начальник геологического управления из Хабаровска и повёл речь о том, чтобы мы дружно, всем коллективом переселились в не столь отдалённый край. Беседовал с каждым в отдельности. Никто из ленинградцев и не подумал покинуть город. Дали согласие на переезд лишь я, бездомный, и ещё два геолога, такие же неустроенные. Вот после этих событий я и решил попытаться перебраться в Азию. Уж больно далёк Дальний Восток! Позже я узнал, что наша экспедиция ещё долго оставалась в Ленинграде, пока её не перевели в Хабаровск. Перевели, собственно, одну вывеску. Весь народ разбежался.

Сборы были недолгими. 24 апреля 1957 года я рассчитался, а 26-го выехал во Львов на побывку к родителям и через несколько дней подался в Сталинабад, нынешний Душанбе, где в начале мая сошёл на перрон его вокзала.

Поразило обилие солнца и тепла, которого в северных широтах в таком изобилии не бывало. Всё, увиденное в первые дни, меня интересовало, удивляло, поражало... Пыльные улицы, арыки вдоль дорог, глинобитные домики, лепившиеся рядом с оперным театром, многочисленные харчевни под открытым небом, где в громадных казанах варится ароматный таджикский плов, в кипящем масле жарятся чебуреки, рыба, где на длинных шампурах на раскалённых угольях мангала доходят до кондиции шашлыки. В воздухе висел крутой коктейль из запахов жареного мяса, лука, бараньего сала, приправленный уксусом и разными специями. И ещё неповторимый, ни с чем не сравнимый аромат только что испечённой в тандыре лепёшки!

Колоритные аборигены. Степенные седобородые старики в длинных белых рубашках и свободных белых шароварах с галошами на босу ногу, женщины

с накинутыми на голову белыми халатами, черноокие девушки в национальных красочных одеждах, сопливая чумазная ребятня и девчонки с десятком тоненьких косичек на голове...

И базар. О восточных базарах столько слышано и написано, что к этому можно было бы и привыкнуть. Да где там! Увиденное поражает. Поражает красками национального убранства, разнообразием лиц, пряным запахом экзотических специй, изобилием товара: горы свежей зелени, урюк, кишмиш, изюм, курага, свежие фрукты... Здесь миндаль, фисташка, сушёная дыня, сухой инжир... В конце лета здесь вырастали терриконы арбузов и дынь... Я ещё застал время, когда около базара теснились многочисленные крохотные будочки, в которых ладили обувь, лудили посуду, изготавливали металлические сита, гнули жестяные трубы для печек "буржук", изготавливали деревянные густые гребни, чинили металлическими скобами разбитые фарфоровые чайники и пиалы...

В Сталинабаде к моему приезду уже работало пять геологов, выпускников Львовского университета – трое моих бывших однокурсников и двое ребят на курс младше. Так что на первых порах я не испытывал одиночества, было с кем поговорить и посоветоваться, прежде чем отправиться на беседу к начальству. Своей работой они были очень довольны, жили на частных квартирах в ожидании получения своего жилья, которое им пообещало управление. Из разговоров с ребятами я узнал, что в Таджикистане есть несколько геологических экспедиций. Одни базируются в самом Сталинабаде и проводят геологическую съёмку и поиски в разных районах этой республики; другие занимаются поисками и разведкой месторождений и базируются далеко от столицы, одна из них, Канмансурская, на севере Таджикистана, другая, Магианская, на западе, недалеко от Самарканда. Мои друзья советовали мне закрепиться в Сталинабаде. Всё-таки столица республики, перспективный в своём развитии город, театры, кино. Одним словом, цивилизация, да ещё есть вероятность через 2-3 года получить жильё. Примерно такие доводы приводили мои коллеги в пользу того, чтобы я добивался возможности остаться в Сталинабаде. Не знаю – почему, но я решил иначе, и когда через пару дней был на приёме у главного геолога, то высказал желание работать в Канмансурской экспедиции, хотя, как я понял из разговора с ним, была возможность остаться в городе. Моё желание было тут же удовлетворено. Почему всё-таки туда? Видимо, было стремление окунуться в геологическую глубинку и хлебнуть побольше самостоятельной работы. Это как в плавании: будешь барахтаться у берега – не научишься плавать, кинут тебя, где поглубже, – выберешься самостоятельно, если, конечно, не утонешь.

Не оправдав надежд увеличить львовскую диаспору геологов в Сталинабаде, поблагодарив ребят за приём, я отбыл к месту моей будущей работы.

Поездом добрался до Ленинабада, на пароме пересёк Сырдарью и на попутной машине по пыльной каменистой дороге добрался до посёлка Адрасман, где размещалась экспедиция. Это километров 70 от Ленинабада. Адрасман – посёлок городского типа, расположен в горах Карамазар. Своим рождением обязан наличию в округе урановых руд. Он был построен пленными немцами сразу же после Великой Отечественной войны для работников рудников и обогатительной фабрики. Дома из местного камня, двухэтажные, с одним или двумя подъездами. Здесь не было привычных для Средней Азии глинобитных домов, как не было и привычных для городов неухоженных окраин. Посёлок начинался как-то вдруг. Дорога к нему пролегла по выжженной солнцем Дальверзинской степи, потом петляла по саям Карамазара и на одном из спусков вонзалась в посёлок улицей. Здесь, на левой стороне улицы, стояла столовая, несколько ниже и справа – небольшое деревянное сооружение голубого цвета. Это буфет, питьевое заведение, названное местными жителями "Голубым Дунаем". Налево улица поднималась вверх. По обе стороны вдоль арыков росли пирамидальные тополя. Улица заканчивалась метров через двести. Где-то там располагалась и обогатительная фабрика. К моему приезду урановые рудники в районе посёлка были вычерпаны, и руду на фабрику возили самосвалами из других, очень удалённых от неё рудников. Позже и фабрику закрыли, а в её цехах оборудовали завод низковольтной аппаратуры. Направо вниз, буквально через несколько десятков метров дома исчезли, улица превратилась в дорогу, которая после крутого спуска снова превратилась в улицу. Это была нижняя часть посёлка или, как её ещё называли аборигены, "соцгород". На небольшом взгорье возвышалось здание дворца культуры,

перед ним – крошечный парк, где росли десятка два кустиков и примерно столько же пирамидальных тополей да стояла пара скамеек. Гордость и радость жителей – открытый плавательный бассейн. Вдоль улиц – арыки, вдоль них – тополя.

Горы Кармазар, что в переводе означает “Черная могила”, пустынные, выжжены солнцем. Саи (сухие речные долины) обычно безводные, лишь ранней весной на очень короткое время в некоторых из них появляется вода. В это же время и на такой же короткий срок склоны покрываются зеленью, среди которой то там, то здесь вспыхивают ярким и сочным цветом размером с большое яблоко тюльпаны – красные и жёлтые. Солнце, давшее жизнь этой красоте, буквально через несколько дней испепеляет своё творение в прах, лишь кое-где на склонах и в саях рядом с редко встречающимися родниками остаются зеленеть одиночные деревья арчи или ивы. Среди вот такой горной безводной пустыни и располагался рукотворный оазис – Адрасман, посёлок горняков и геологов с его бассейном, микропарком, тополями... Здесь мне предстояло жить и работать.

Я сошёл с попутной машины, прихватил свой скарб – маленький чемодан и рюкзак – и направился в контору экспедиции. Каково же было моё удивление и радость, когда в коридоре экспедиции я увидел знакомое лицо! Это был выпускник нашего геолфака, окончивший его на год позже меня. Разговорились. Оказалось, что он работает здесь начальником партии, а когда узнал, что я приехал сюда на работу, то сразу же предложил устроиться в его партию геологом. Естественно, я тут же согласился. Оставалось только оформить всё это у начальства. Потом мы ещё долго расспрашивали друг друга о жизни-бытье, и как-то в этот разговор он вклинил замечание, суть которого сводилась к следующему: несмотря на то, что мы с ним друзья-товарищи, в рабочей обстановке между нами не должно быть панибратства и обращаться к нему в присутствии подчинённых я должен только по имени и отчеству... После такого замечания у меня отпала всякая охота не только работать под его началом, но и общаться с ним – чего доброго, назову его где-нибудь при встрече по имени, а рядом с ним его подчинённый. Откуда мне знать? Неужели надо было говорить об этом? Я понял, что мне с ним не по пути, и после нашего разговора отправился на приём к главному геологу экспедиции. Там всё и решилось: меня зачислили геологом в Туркестанскую партию и в тот же день выделили маленькую комнату в верхней части посёлка. Это было здорово! Наконец-то я стал обладателем ключа от дверей своего жилья!

Мне понравилась быстрота, с которой я был принят коллегами в их коллектив на правах равного. Народ в нашей партии, да и во всей экспедиции был молод, в основном мои сверстники, что упрощало наши взаимоотношения. В эти края геологи приезжали из многих городов Союза и закреплялись здесь на долгие годы, пройдя прекрасную практическую школу поисков и разведки месторождений. Варились в собственном соку, делали ошибки, набивали шишки и, тем не менее, упорно продвигались к цели, к решению стоящих перед ними задач. В таких условиях не было места нытикам, сачкам, зазнайству и высокомерию. Кто страдал такими недугами, долго здесь не задерживался.

Дней через двадцать партия выехала на полевые работы. Это были северные склоны Туркестанского хребта, около 200 км к югу от нашего посёлка. Добирались туда на грузовике, а последние километры 20 – пешком, с караваном ишаков, вверх по склону, заросшему редким арчевником. Лагерь поставили там, где это редколесье закончилось, дальше и выше – царство камней, скал и снежников.

Всё окружающее виделось впервые. Оно поражало величием, основательностью, контрастностью горизонта на фоне голубого неба, близостью этого горизонта, тишиной. Горы, снежные шапки на вершинах... Со временем, когда мы начали маршрутить этот пейзаж, он раскрылся перед нами и другими, совершенно отличными от первоначально увиденных гранями своего бытия. Одни из них вызывали восторг, другие – негодование. Особенно доставалось труднодоступным местам. Тут уж не до восторгов, того и гляди, как бы не загреметь вниз.

Начались прозаические будни. Цель наших работ – оценить масштабы ранее выявленного здесь рудопоявления молибдена. Нам, мини-коллективу молодых да ранних, предстояло показать, на что мы способны. А всего-то нас

было два геолога — это начальники партии Шершенбай Озбаканов из Казахстана, у которого это был первый полевой сезон самостоятельной работы, да я со своим полуторасезоньем; ещё техник-геолог Трофим Коцюба из Каменец-Подольска, тоже первогодок в нашем деле, да техник-геофизик Саша, радист по совместительству, постарше нашего брата лет на семь. Были ещё горный мастер Лёша и человек пять рабочих, занимавшихся проходкой канав.

За дело взялись шустро. Задавали канавы, бегали в маршруты, рисовали карту и даже не сомневались в правильности того, что и как делали. Рубили, как говорится, сплеча, без страха и сомнений. Часто, закончив маршрут, мы спускались вниз по снежникам, выделявая зигзаги наподобие слаломистов. Неслись, аж дух захватывало. Однажды, возвращаясь из очередного маршрута с солидным грузом образцов за плечами, я взобрался на узкий язык довольно круто спускавшегося снежника и покатиł вниз. Рифлёные подошвы сразу же забились снегом, и они заскользили похуже лыж, узость снежника не позволяла мне делать широкие развороты и таким образом замедлять спуск. Я понёсся вниз со всё возрастающей скоростью, хотя и пытался притормаживать длинной ручкой геологического молотка. Где-то на середине спуска молоток застрял в камнях, а я ребрами зацепился за ручку. Движение резко застопорилось. Решил больше не испытывать острых ощущений и сойти со снежника. Не тут-то было! Первое движение вызвало страшную боль в груди. Я и так, и эдак — болит! Всё-таки как-то сполз со снежника. Спускаюсь по каменной осыпи, каждое движение отдаётся болью. Кое-как одолел последние километров пять до лагеря. Оказалось, что я сломал ребро. С неделю провалялся в лагере. Поправлялся быстро. Обошлось. Что значит улодород-зелено, ведь учили, зубрили, сдавали технику безопасности, и вот так умераздило. . .

И снова маршруты, маршруты. . . Маршрутили четыре дня в неделю, пятый — камеральная обработка собранного за эти дни материала. Хватало в такие дни времени и на то, чтобы привести себя и свою работу в порядок, почитать, отдохнуть. Транзисторов в то время у нас ещё не было, только громоздкие ламповые агрегаты, которые питались от тяжелейших и мало приспособленных для транспортировки выюком огромных батарей. Но и такого приёма у нас не было. Оторванность от мира полнейшая. Правда, один или два раза в месяц к нам приходил караван с продуктами и почтой. Был ещё один источник информации — это наша рация, при помощи которой радист связывался с экспедицией или, как мы её ещё называли, “большой землёй”. Иногда вечером в трескучем эфире Саша находил какую-нибудь радиостанцию, и из наушников слышался писк человеческой речи или музыки, а чтобы как-то усилить эти звуки, он клал наушники в кастрюлю. Получалось нечто похожее на динамик. Мы же ложились вокруг этого «громкоговорителя» головой к кастрюле и пытались вслушаться в эти звуки. Но такое удовольствие мы себе позволяли не часто, берегли батареи для рации. Один лишь раз мы засиделись, вернее, залежались у нашей кастрюли допоздна, слушая футбольный репортаж.

Кашеварили по очереди. Помню, когда пришла моя очередь, я решил приготовить вареники с картошкой. До сих пор поварским делом я толком не занимался, да и необходимости не было в этом. Яйцо поджарить, картошку сварить — ещё куда ни шло, а вот суп, борщ, вареники — не приходилось. Пришлось на ходу осваивать и эту науку. Варили на костре. С супом справился быстро и принялся за вареники. Замесил тесто, наварил картошки и пошёл! Всё по памяти, так, как это делала мама. Леплю. Время идёт. Тесто и картошка вроде и не убывают! И того, и другого приготовил слишком много. Чтобы ускорить процесс, увеличиваю размер вареника. Время летело катастрофически быстро, вот-вот должны были вернуться из маршрутов ребята, а у меня ещё и половины не сделано! Снова увеличиваю размер вареника. Последние получились с добрую ладонь! Успел всё-таки! Уплетали за обе щеки!

Когда второй раз кашеварил, решил зажарить ребятам картошку на второе. Успел ко времени. Картошка удалась, призывное высилась румяной горкой с большой сковороде. Ребята, оседлавшие скамейки у стола и покончившие с первым, с нетерпением ожидали второе. Чтобы удобнее было орудовать сковородкой на очаге, я заранее из арчи выстрогал специальный держак. Так вот этим держаком я подцепил сковороду с картошкой и осторожно понёс от очага к столу. Все ждут. В двух метрах от стола сковорода вдруг срывается с держателя и летит вниз! Срабатывает злополучный закон бутерброда —

картошка внизу, в пыли, сверху сковорода. Все в шоке. Потрясены случившимся. И надо же было такому случиться! Так хотелось угостить вкусным обедом! Придя в себя, кто-то из ребят сказал, что не всё потеряно. Осторожно сняли сковороду, затем так же осторожно собрали картошку, оставив лишь слой, непосредственно лежащий на земле, и съели её. Геологам всё нипочём!

Подобралась незаметно осень, лагерь всё чаще и чаще покрывался серыми тучами, полетели “белые мухи”. Полевой сезон подошёл к концу, мы смогли палатки и перебрались в Адрасман на зимние квартиры. Отчёт защитили на “удовлетворительно”. На более высокую оценку мы ещё не дотягивали — молодые, нет опыта, да и знаний маловато. Лет тридцать спустя по какой-то надобности я извлёк из фондов этот мой первый отчёт и снова перечитал его. Состоялась своеобразная встреча с молодостью. Прочитанное вызывало улыбку. Текст показался мне топорным, сырым, суждения наивными, выводы решительными и безапелляционными. Так было.

Шло время. Я уже привык к новому окружению, появилось много знакомых, друзей. Наша камералка располагалась на окраине посёлка — это каменное здание барачного типа с длинным коридором и комнатами по обе стороны. Здесь, кроме нашей, работало ещё несколько партий. Так что народу было много, перекуры были шумными и продолжительными, чему способствовало отсутствие здесь экспедиционного начальства. Оно занимало отдельное здание и находилось непосредственно в посёлке далеко от нашей камералки. В обеденный перерыв устраивали массовый пробег километра на полтора в верхний посёлок, в столовую. После работы и в выходные дни время проводили в микрпарке или в доме культуры, где крутили кино, кружились в такт под радиолу. Там же самодеятельность, в которой принимал участие и я. Любили и подшутить. В одной из партий работал техник-геофизик Ваня Быхан. Такой простоватый, несколько флегматичный парень, отличавшийся от многих из нас тем, что имел двух малолеток и жену на сносях, которая вот-вот должна была родить. Вот его-то и решил разыграть один из любителей подначки Валя Кавыршин. Он напечатал липовую выписку из приказа по экспедиции, где говорилось, что в связи с увольнением главного геофизика экспедиции на эту должность назначается Иван Быхан. Эту выписку он повесил на доску объявлений. Валентин всех в камералке предупредил, что это розыгрыш. Все были в курсе, и только наш Ваня пребывал в неведении. Прочитав выписку, все устремились к Быхану с поздравлениями, ну и, естественно, с намёком, что это повышение необходимо срочно обмыть. Ваня был на седьмом небе. С удовольствием и некоторым стеснением принимал поздравления и обещал, что обязательно устроит по этому поводу застолье у себя дома через день-другой. Там у него радиола, домашний уют, потанцуем... Народ восстал. Нечего откладывать такое мероприятие, на фиг нам домашний уют с радиолой, давайте устроим всё здесь и сейчас! Ваня сдался. Насобирав денег и побежал по магазинам с двумя помощниками. А в это время в одной из комнат сдвигали столы... Через какое-то время они вернулись с покупками. Резали сыр, колбасу, селёдку, открывали консервы и бутылки. Всё было готово к началу торжества. Начальник партии, в которой работал Ваня, зачитал выписку из приказа и поздравил его от всех нас с таким высоким назначением. Был тост. Выпили. Потом ещё и ещё. Ваня уже начал тасовать карты геофизиков. Нашего Сашу предполагал перевести на новое место, что вызвало неподдельный протест захмелевшего Шершенбая. Да такой, что Ваня решил не трогать Сашу. Веселье длилось долго. Прошёл день, другой... Ваню гонят из партии и говорят, что его место теперь там, в конторе, в кабинете старших инженеров. Ваня не знает, что делать. Должны же, вероятно, позвонить отсюда и позвать! Звонка до сих пор нет... Через несколько дней Кавыршин сказал, что пора закругляться с этой игрой. Мы подсчитали все Ванины затраты на банкет, собрали эту сумму, и Валентин понёс её Ване. Отдавая ему деньги, он сказал, что это была шутка, и ты, Иван, извини. Дальше последовала немая сцена, закончившаяся нечленораздельным Ивановым воплем, похожим скорее на стон.

Забегая вперёд, скажу, что через какое-то время его-таки назначили временно исполняющим обязанности главного геофизика.

Однажды в комнату нашей партии заглянула девушка и заговорила с Трофимом. О чём шла речь, я не знаю, да это меня и не интересовало. Меня заинтересовала сама девушка. На ней была широкая юбка, курточка от лыжного

костюма, а на голову – коричневый берет. Он сидел, как мне показались, лихо, где-то на затылке и немного набок, а из-под него во все стороны вились белокурые кудряшки. Лицо украшала улыбка. Когда она вышла, я спросил у Трофима, кто эта девушка. Оказалось, что это его однокурсница Нина Тищенко, которая в составе пяти выпускников Каменец-Подольского индустриального техникума была направлена на работу в Таджикистан. Так состоялась встреча с моей будущей женой. До свадьбы, как потом выяснилось, было ещё два долгих года... Два года почти ежедневных встреч, переживаний, надежд, сомнений, слов о любви...

Потом была свадьба, в январе шестидесятого. Я два года ждал заветного “да” и вот, наконец... Собственно, “да” я так и не услышал. Получилось как-то буднично и незаметно, между прочим. Как-то в разговоре я услышал от неё, что вот после нашей свадьбы... Ну, и так далее... О чём шла речь, не помню. Запомнились слова “после нашей свадьбы”. Надо же, она уже решила, а я ещё маюсь! Не поверил ушам своим! И я, чтобы ещё раз услышать об этом, каким-то образом заставил её повторить эти слова и повёл себя так, как будто этот вопрос решён и у меня сомнений не вызывает. Слукавил!

Народу на свадьбе было много, упасть яблоку негде было. Ни её, ни моих родителей на торжествах не было. Вся организация этого действия легла на наши плечи и плечи наших друзей. Столы поставили в комнате, где жила Нина с подругой, всё лишнее перетащили к соседям, стены и потолок украсили листами ватмана с яркими забавными рисунками и оригинальными поговорками в духе нашего торжества. Из моей комнаты также выкинули всё, освободив её для танцев.

В Адрасмане в то время с продуктами было не ахти, и чтобы свадебный стол не выглядел убогим, мы решили съездить в Ташкент и там отовариться. В экспедиции дали машину, и мы с Ниной покатали. Правда, и там полки магазинов не гнулись под тяжестью съестного. Помню витрину рыбного отдела в гастрономе – ни одной рыбёшки, витрина забита синими банками с чёрной икрой. Взяли одну большую. Увидели ром, первый советский ром, изготовленный в Узбекистане. Взяли. Ящик. Покупали ещё что-то, что нужно к столу. Дома с посудой было худо. Закупили большое количество стаканов и хрустальных рюмок. В общем, отоварились солидно, и стол в результате удалось загрузить основательно и вкусно.

Невеста блистала в ослепительно белом нейлоновом (по тогдашней моде) платье и белых туфлях, в которых она вытерпела лишь официальный выход. Они были на номер или два меньше и, естественно, жали. После того, как Нина заняла своё место, она их сбросила под стол. В чём я “блистал” – не помню. Судя по фото того времени, я был даже при галстукe, хотя терпеть его не мог...

В тот же год пятого декабря в День Конституции, – был тогда такой советский праздник, который сейчас отменён, – Нина родила сына. Я его называл Вадимом. Был под впечатлением недавно прочитанного рассказа Лермонтова “Вадим”.

Чтобы соблюсти хронологию событий, вернусь в своём повествовании немного назад.

Полевой сезон 58-го я начал в тех же краях, что и предыдущий, на северных склонах Туркестанского хребта. Не прошло и месяца полевых работ, как меня по рации вызвали в экспедицию. Что за причина, не могу понять. Собрался и двинул на своих двоих и на попутных.

Захожу к начальнику экспедиции Султану Эргашеву. Наслышан о нём как о толковом, знающем специалисте. Да и как человек он у многих вызывал симпатию. На должности этой недавно, до этого был главным геологом этой же экспедиции. Расспросив о делах в партиях, он быстро перешёл к тому из-за чего, собственно, и вызвал меня к себе. Сказал, что решил перевести меня в крупную разведочную партию на должность старшего геолога и теперь вот хочет услышать на этот счёт моё мнение.

За полтора года работы в экспедиции я уже, хотя и немного, был знаком с состоянием дел в каждой партии. По оценкам моих коллег-геологов, почти во всех партиях оно было нормальным и лишь в одной – Кошмагатской – оценивалось как из рук вон плохое. Начальники партии там долго не задерживались, старший геолог всеми правдами и неправдами хочет оттуда уехать и поэтому работает там спуская рукава, работа буксует, плана нет, народ недоволен,

разбодается. А работа там — разведка месторождения. Это механизированная проходка штольни, шурфов, бурение скважин, проходка канав, крупномасштабная съёмка...

Вот в эту партию и сватал меня мой шеф. Я стал отпираться. Упирали на то, что я — университетчик и что в разведке слаб, что этот курс у нас читали всего лишь один семестр, а шурфы, штольни и буровые станки видел лишь на учебных плакатах. Моя стихия — это поиски, а с разведкой я не совладаю. Шеф меня успокаивал и говорил, что ничего страшного, что я научусь, помогут справиться. В заключение сказал, чтобы я подумал над его предложением. На том и расстались.

Уехал в партию в надежде на то, что мои доводы убедили шефа и что на этом всё и закончится.

Буквально через пару недель снова радиограмма: “Логачёву личными вещами прибыть центральное хозяйство”. Я понял, что мои доводы не произвели на шефа должного впечатления. Когда я к нему явился, то услышал, что уже есть приказ о моём назначении старшим геологом в Кошмагатскую партию и что срочно надо ехать туда с представителем экспедиции принимать дела.

Этим представителем был Женя Краснов. Под два метра ростом, светло-волосый. Ходил полутораметровыми шагами, как будто что-то отмерял. Любил покурить и выпить под хорошую закуску, да и не только под неё. Прослушав когда-то в Московском горном институте три курса, он оттуда ушёл (или его ушли) и появился в этих краях. Сначала работал маршрутным рабочим, потом коллектором, геологом, старшим геологом. Уже гораздо позже он всё же закончил заочно Таджикский университет, а потом защитил диссертацию. Геологию района знал прекрасно и как никто другой в экспедиции разбирался в таком сложном деле, как разведка месторождений. Хобби у него было — любил кушарить, особенно удавались ему пироги из кислого теста, с рисом и яйцом, капустой, визигой, пышные, вкусные. Обо всем этом я узнал, естественно, гораздо позже...

Партия располагалась в сорока пяти километрах от Адрасмана. Это был небольшой посёлок геологов в сухой и узкой долине сая. Несколько щитовидных или, как их тогда называли, финских домиков, два деревянных барака, пара глинобитных времянкок, столовая, склад и ещё какие-то подсобки. И родник, который поил весь посёлок вкусной и холодной, до ломоты в зубах, водой. Вот и всё. Вокруг невысокие, выжженные солнцем горы.

Здесь жили и работали круглый год геологи, горняки, буровики, всего около сотни человек. Проходили штольни, шурфы, канавы, бурили скважины. Иногда сюда приезжала кинопередвижка, и в одном из барачков киномеханик прокручивал по частям один, а то и два фильма.

Достопримечательностью посёлка была старая, покорёженная временем и зноем верба, растущая около родника. Однажды весной мы срубили с дерева с десяток веток и посадили их вдоль ручья, вытекающего из родника. Принялись! Пошли побегии... У родника в тени вербы один из местных предпринимателей соорудил дощатый настил, покрытый домотканой дерюжкой, рядом навес, под которым поставил громадный самовар, чайники, пиалы. Настоящая чайхана! Иногда чайханщик варил из свежей баранины вкусную таджикскую шурпу. Помню, бывало, как иногда после изнурительного маршрута по окрестным горам в дикую жару я буквально падал в прохладу этой чайханы и приходил в себя, поглощая чайник за чайником зелёный чай... Но это было позже...

Сейчас я ехал в эту партию принимать геологическое хозяйство. Всё увиденное вокруг не вызывало никаких положительных эмоций. Наоборот. Приживусь ли я в этом, как мне показалось, Богом забытом месте?

Моим предшественником к приёму была выложена на столы гора журналов первичной документации горных выработок и скважин, разрезы, планы, карты, сотни ватманских листов чистовых зарисовок штолен, шурфов, канав. Всё это накопилось за пять лет работы партии, в течение которых не было написано ни одного отчёта. Я взирал на эту кипу бумаг и с ужасом думал, разберусь ли в их содержании.

Долго мы не копались. Да и был ли в этом смысл? Мне всё это было незнакомо, и чтобы во всём разобраться, нужно было время. Я больше молчал. Представителю экспедиции было всё равно, он не вникал в детали, не выискивал погрешности. Мой же предшественник был крайне заинтересован в

быстрейшему завершению этой процедуры. Я знал, что он давно порывался выйти из этой партии, написал не одно заявление об увольнении. Начальство обещало подыскать ему замену, это тянулось долго, и он грозился бросить всё к черту и уехать. Вот на таком этапе его отношений с экспедицией объявился я. Меня и сосватали. . . Составили акт: один сдал, другой принял. Потом здесь же в камералке, это событие и отметили. Предшественник с представителем уехали. Я остался один с головной болью и массой вопросов. Разберусь ли, совлдаю ли, поймут ли меня те, с кем придётся работать, пойму ли я их?

К концу дня посёлок почти опустел, завтра выходной день, и многие разъехались по своим домам – кто в Адрасман, кто в Ленинад. . .

С этого дня началось моё постижение премудростей разведки месторождения, которая была гораздо сложнее тех геологических изысканий, в которых мне приходилось принимать участие прежде.

Из геологов, кроме меня, в партии работал ещё один – Эркин Якубов – и два техника. Несколько позже здесь же появилась и Нина. Работы было очень много.

Одновременно приходилось и дело делать, и учиться, как его делать. Хозяйство большое: в одном месте проходятся канавы, в другом – шурфы, в третьем – штольня, скважины. Закончили рабочие проходку канавы или шурфа – надо смотреть, документировать, отбирать пробы. А чтобы не было простоев, надо задавать новые выработки, а где задавать – надо подумать. На самом месторождении надо составить крупномасштабную геологическую карту, фланги проутюжить поисковыми маршрутами. Крутились, как белка в колесе. Геологов на такой объём работ было очень мало, нагрузка на каждого – под завязку.

За бурением скважин нужен глаз да глаз. Буровикам нужны были только метры – это их заработок. Нам же, кроме метров, необходим был результат, для достижения которого существовала целая система мер, к которой буровики прибегали с большой неохотой и только лишь по требованию геологов, под их непосредственным контролем. . .

Шло время, я познавал премудрости разведки свинцово-цинкового месторождения Баритовая горка. Это довольно мощная и протяжённая баритовая жила с минералами свинца и цинка, залегающая в тектоническом разломе среди вулканических пород. Надо было выяснить масштабы оруденения, выяснить его протяжённость на глубину, на флангах, определить качество руды и многое другое.

Когда сватали меня в эту партию, начальство обещало помощь и всяческую поддержку. Но это были только слова. Никаких поблажек, только втыки, и довольно чувствительные.

Бурилась у нас на участке скважина. До сих пор помню её номер – 28. Двадцать пятое число – закрытие нарядов. Буровой мастер просит меня авансировать метров двадцать проходки, а просьбу свою аргументирует следующим образом: до конца месяца ещё пять дней, за день буровики проходят метра четыре, всего же до первого числа они пробурят минимум двадцать метров. Я упирался, отказывался от приписки. Мастер уговаривал, говорил, что здесь нет никакого криминала, что так делалось всегда, что это не приписка, а лишь аванс, который будет отработан до конца месяца. А если кто-то из бригады уволится или же вся бригада возьмёт да уйдёт, получив деньги за дутые метры проходки, кто тогда будет отрабатывать аванс? Это я так пытался возражать бурмастеру. . . В общем, этот бывалый битый волк меня уломал. Я сдался, хотя нутром чувствовал, что всё это просто так не проскочит. . . Как в воду глядел. Утром следующего дня на скважине авария. Ликвидируют день, второй, третий – безрезультатно. Прошло пять дней, начали новый месяц, неделя, другая – стоим. Буровики предлагают бросить эту скважину и начать новую. Упираюсь, мотивируя тем, что скважина не выполнила свою задачу. В общем, нашла коса на камень! А что теперь делать с авансом? Вот моя головная боль! Теперь ведь он превратился в обыкновенную наказуемую приписку! Эти липовые 20 метров я должен показать и описать в журнале документации, изобразить эту туфту на разрезе, в паспорте скважины! Единственное, что меня в какой-то мере утешало, так это то, что разрез я знал, он на той глубине не менялся, а главное – до предполагаемой рудной зоны было ещё далеко.

И вот в это время в партию приезжает начальник экспедиции. Перекинувшись со мной двумя-тремя словами, он сразу же предложил съездить на зло-

счастную двадцать восьмую. “Будет очередной втык”, — подумал я. Ночью выпал первый снежок. Подъезжаем к буровой, рядом с которой он увидел небольшую штабель ящиков с керном, припорошенный снегом. По существующим правилам их давно надо было свезти в кернохранилище. Он мне говорит:

— Бардак! Керн под снегом! Куда смотришь!?

Я же ему в ответ:

— Не сахарный, не растает!

Боже мой, что тут было! Разразился в мой адрес несусветной бранью. Во всех грехах и неполадках в партии меня обвинял, а главное — в том, что я срываю план по бурению.

— В шею надо гнать таких геологов!

Прошёл день, второй... Работаю. Пока меня никуда не гонят.

Где-то спустя неделю — в экспедиции совещание. Производственное.

В своём докладе начальство вспоминает недобрый словом и нашу партию, и двадцать восьмую скважину. Я не выдержал, выскочил на трибуну, распетушился! Рассказал о том, как меня сватали на должность старшего геолога в эту партию, о том, как я упирался, мотивируя тем, что я не разведчик, а главное, о том, что, уговаривая меня, начальство обещало всяческую помощь. Я сказал, что это начальство забыло о своём обещании и начало моё посвящение в разведчики с головомойки и втыков. Рассказал также и о том, что недавно на мою голову посыпался незаслуженный град обвинений и угроз выгнать “таких геологов”. Чем больше я говорил, тем шибче петушился и в заключение высказал своё неодобрение методикой руководства со стороны начальства.

— Если я как специалист не справляюсь со своими профессиональными задачами, то должен быть перемещён туда, где будет толк. Но не нужно обвинять меня во всех грехах и говорить, что “таких геологов”, как я, надо гнать, а потом всемиловейше нисходить до тебя и даровать прощение. Не справляюсь я, не на месте — увольняйте, но таких поблажек мне не нужно! — Закончил. Слышу из президиума:

— Это кто же тебя так?

— Вы, Султан Бабаевич!

В перерыве он подошёл ко мне:

— Ну, что ты так распетушился? А ты знаешь, как мне достаётся от моего начальства! Это же работа. И обижаться тут нечего!..

Что я мог сказать? Я был молод, зелен, и радужный цвет бытия ещё не был омрачён такого рода событиями.

Жизнь продолжалась. Нина с сыном не захотела оставаться в Адрасмане и почти сразу же после его рождения перебралась ко мне в посёлок партии. Мы занимали в финском домике одну небольшую комнату, а вторая служила нам камералкой. Здесь находилась вся наша документация, здесь мы обрабатывали полученную информацию. Нина занималась именно этой работой. Рядом с её рабочим столом почти всегда стояла коляска, в которой спал или бодрствовал наш сын. На выходные дни уезжали в Адрасман.

О детском питании мы в то время и понятия не имели. С одеждой для малюток тоже было туго. Достали как-то мягкую ткань фланель. Надо что-то из неё смастерить. Швейная машинка у нас была, но ни Нина, ни я шить не умели. А начинать когда-то надо! И вот я расстилаю эту фланель на столе, сворачиваю вдвое, потом беру Вадима, кладу его на эту фланель, развожу в стороны ручонки и обвожу его тело карандашом. Вырезаю. На машине прострочил. В месте сгиба сделал вырез для шеи. Получилась рубашечка. Она долго служила Вадиму. Потом я пожалел, что не сохранил её.

Работа шла своим чередом. Часто лихорадило, горел план, менялись один за другим начальники партии. За мою бытность сменилось шесть человек, в число которых попал и я — очередного сняли, а замену ещё не нашли, вот меня оставили, временно. Командовал я на этой должности месяца три, потом нашли очередную жертву...

На одном из дальних участков надо было вскрыть и опробовать рудную зону. По нашим представлениям, она там шла по руслу сухого сая, скрытая под рыхлыми отложениями долины. Как глубоко она залегает от поверхности, какова мощность этих отложений — неизвестно. Прикинул, что не более пяти метров. Так что шурф глубиной в 10 метров достанет её. По саю проходила дорога, которую накатали наши машины. Рядом с дорогой я и задал этот шурф. Тащить сюда электролинию и пробурить скважину удовольствие дорогое.

Решили проходить шурф вручную. Для таких работ у нас в партии была специальная бригада проходчиков. Вот я им и показал место заложения. Они мне сказали, что место не совсем удачное и что через несколько метров в шурфе может появиться вода, которая затруднит проходку ствола. А поэтому надо переместить место заложения из долины на склон. Я тут же согласился с такими доводами, посчитав, что ничего криминального не будет, если горизонтальная выработка из шурфа, которая будет пройдена с целью пересечения рудной зоны (рассечка), удлинится на два-три метра.

Проходчики – народ опытный, быстро прошли ствол шурфа и на десятом метре начали проходку рассечки в сторону долины. Буквально через несколько дней в рассечке пошли рыхлые породы, “зона”, как утверждали проходчики. На следующий день рано утром я спустился в шурф и увидел страшную картину – рассечка, пройдя скальные породы, уже метра два как идёт по рыхлым отложениям долины, которые в любую минуту могут обрушиться на головы проходчиков. Я быстро поднялся на поверхность и, скрывая волнение, сказал рабочим, что шурф задачу свою решил и дальнейшую проходку я прекращаю.

На следующий день с какими-то делами еду на этот участок. Доезжаем до нашего шурфа, и водитель вдруг с силой жмёт на тормоза: посреди дороги огромный, метра два в диаметре провал, заполненный водой!.. Вовремя я остановил проходку этой выработки! Промедли немного – и беды не избежать бы.

Позже, разбирая случившееся, я обнаружил в нём и свою оплошность. Дело в том, что, перенося место заложения шурфа на склон и подняв его таким образом над долиной, я совершенно выпустил из виду, что в таком случае надо было на такую же величину углубить и сам ствол шурфа.

Главное же, что явилось причиной проходки выработки вхолостую, – это то, что мощность рыхлых отложений в этом месте оказалась гораздо больше предполагаемой.

Шёл третий год моей работы в этой партии. Защитил, наконец, отчёт, расчистив, таким образом, бумажные завалы. Месторождения не получилось. Так – крохи. Представляет лишь минералогический интерес, как говорят геологи в таких случаях. Стали прощупывать фланги, проверяя свои же прогнозы. Результаты переменные – то густо, то пусто. В одном из шурфов почти с первых метров пошла богатейшая свинцовая руда! Шуму было невероятно много, хотя я и старался не трубить преждевременно об этом. На практике не раз бывало, что победные марши сменялись совершенно иной музыкой. В партию зачастило начальство, разворачивались перспективы.

Под богатую руду, вскрытую в шурфе, прошли штольни. В ожидаемом месте её не оказалось, в пробуренных скважинах – мизер. Так начинался участок Новый, продолжить и завершить работы на котором мне уже не пришлось...